

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

«БОРОДИНО» ЛЕРМОНТОВА

В шестом номере пушкинского журнала «Современник» за 1837 год, где впервые напечатано стихотворение Лермонтова «Бородино», среди объявлений о новых книгах помещено извещение о выходе в свет сочинения некоего Николая Любенкова «Рассказ артиллера о деле Бородинском».

На первый взгляд как будто никакой связи между этими фактами нет. Но стоит только заглянуть в книжку Любенкова, и в глаза вам бросится разительное сходство описаний Бородинского сражения в обоих произведениях.

Мы долго молча отступали, — начинается свой рассказ старый солдат в стихотворении «Бородино».

Мы с терпением переносили отступление, — подтверждает Любенков.

Досадно было, боя ждали, — продолжает «дядя» у Лермонтова.

Мы жадно ожидали генеральных сражений, — снова соглашался Любенков.

Рука бойцов колоть устала, — сказано у Лермонтова.

...Неумолимая рука смерти устала от истребления... — читаем мы в «Рассказе» Любенкова.

Кроме этих, и многие другие эпизоды, описанные в книжке Николая Любенкова, можно было бы сопоставить со стихотворением Лермонтова. Сопоставить — и притти к выводу, что Лермонтов написал свое стихотворение по рассказу очевидца Любенкова.

Но вывод этот не получается. Потому что книжка Любенкова вышла в свет только летом 1837 года, когда Лермонтов, со сланный за стихи на смерть Пушкина, давно уже скитался по Кавказу, а «Бородино» было уже написано.

Кроме того, о Бородинском сражении Лермонтов писал не впервые. Лучшие, наиболее удавшиеся строки он перенес в «Бородино» из другого своего стихотворения — «Поле Бородина», которое написал еще в 1830 году. А в то время книжки Любенкова не было и в помине.

Любенков тоже не мог знать «Бородино». Его книжка вышла в свет несколько раньше «Современника», где было напечатано стихотворение Лермонтова. Да если бы даже и знал, то ему, очевидно Бородинского дела, незачем было использовать в своем описании стихотворение Лермонтова, родившегося уже после событий 1812 года.

Итак: связи между этими произведениями как будто бы нет. А между тем сходство это объясняется просто.

«Забил заряд я в пушку туго», «Прилег вздремнуть я у лафета», «Построили редут», — эти слова показывают, что у Лермонтова, так же как и у Любенкова, о сражении рассказывает артиллерист. Поэтому если мы возьмем воспоминания других артиллеристов, участников Бородинского боя, то поразимся обилию новых деталей: мы найдем упоминания об «улапах, со значками на пиках», о французских драгунах «в касках с конскими хвостами» и многое множество других подробностей. Мы узнаем, что слова «Ребята! Не Москва ль за нами? Умремте ж под Москвой...» — не выдуманы Лермонтовым. С такими словами обратился к армии генерал Д. С. Дохтуров, когда после ранения Багратиона он получил приказ Бутузова принять на себя командование левым флангом. «За нами Москва, — воскликнул Дохтуров, — умирать всем, но ни шагу назад — ведь все равно умирать же под Москвою!».

Вчитываясь в описания Бородинского сражения, мы понимаем, что Лермонтов описал в своем стихотворении самое важное место сражения — на центральной батарее, или, как ее называли еще, «редут Раевского» — укрепление, которым французы пытались овладеть в течение целого дня. («Своя дым летучий французы двинулись как тучи, и все на наш редут»).

Разгадка всех совпадений таится в статье артиллера Норова, напечатанной в 1868 году в № 11 «Военного сборника».

В числе артиллеристов, командовавших в Бородинском бою артиллерийскими батареями, Норов называет имя своего непосредственного начальника штабе-капитана Афанасия Алексеевича Столыпина, командовавшего «легкой ротой № 2», и вслед за тем рассказывает героический эпизод, связанный с находчивостью и мужеством Столыпина. «Доблестное бесстрашие, истинно артиллерийское хладнокровие и распорядительность в самом сильном огне всегда останутся памятными его сослуживцам», — читаем мы о Столыпине в воспоминаниях другого артиллера.

Афанасий Алексеевич Столыпин — родной брат Елизаветы Алексеевны Арсеневой — бабки и воспитательницы Лермонтова. Рассказы Афанасия Столыпина о действиях гвардейской артиллерии под Бородиным — вот тот источник, откуда Лермонтов почерпнул подробные сведения о ходе исторического сражения и на основе которых создал свои стихотворения «Поле Бородина» и замечательное «Бородино».

Однако было бы непозволительно ошибкой утверждать, что Лермонтов потому описал в своем «Бородине» артиллера, что дед его служил в артиллерии. А если бы Столыпин служил в пехоте? В том-то все и дело, что Лермонтов рассказ о Бородинском бое устами артиллера потому, что был уверен в том, что русская артиллерия сыграла решающую роль в исходе Бородинского сражения. И в стихотворении своем описал, таким образом, самое главное, самое существенное.

И действительно, роль русской артиллерии в Бородинском бою была огромной. Недаром участник Бородинского боя, капитан французской конной артиллерии Шамбре писал о том, что утром следующего дня Наполеон, «объезжая поле сражения, обогранным кровью множества убитых и раненых, велел переворачивать тела убитых, чтобы видеть, от каких они пали ударов. Почти все носили следы артиллерийских снарядов».

«Такова была битва, — пишет известный военный историк В. Ф. Ратч, — в которой, по расчету французов, приходилось

по 100 выстрелов в каждую минуту с их стороны; а со стороны русских не могло быть менее, если обратить внимание на превосходнейшее число наших орудий».

После окончания кампании 1812 года прусский генерал Гнейзенау восторгался русской артиллерией, отмечая ее превосходство над другими родами оружия:

«...Я видел, как маневрировала и сражалась артиллерия в действиях против неприятеля и преисполнен удивления высоким достоинством сего рода службы, превосходством механического ее сооружения, легкостью, скоростью и точностью движений, храбростью офицеров и солдат и правильностью во внутренней службе».

Лермонтову была хорошо известна роль, которую сыграла русская артиллерия в общем ходе Бородинского сражения — сражения, где, по словам Норова, «преимущественно действовали орудия».

На действиях артиллерии при Бородине сказались влияние статей «Артиллерийского журнала», который начал выходить в свет в 1808 году. В нем были затронуты и развиты многие существенные вопросы военной теории и практики: «Первый из наших молодых офицеров, — пишет Ратч, — печатно высказавший свое мнение об употреблении артиллерии, был гвардейской конной артиллерии поручик Дмитрий Столыпин».

Это новое и важное сведение.

Дмитрий Алексеевич Столыпин — второй брат бабки Лермонтова Елизаветы Алексеевны Арсеневой. До сих пор из биографии Лермонтова о нем было известно только, что он был дружен с декабристом Пестелем и умер скоропостижно во время арестов, после 14 декабря 1825 года. Теперь выясняется, что Столыпин был крупным военным теоретиком.

После кампании 1805—1807 гг. он выступил на страницах «Артиллерийского журнала» со статьей. В ней на четырех страницах Столыпин изложил свое мнение и ввел новое условие — время, — отсутствовавшее в работах других авторов.

Для нас важно, что даже через пятьдесят лет крупный военный историк Ратч высоко оценивал статью Столыпина и ее

влияние на действия гвардейской артиллерии во время Бородинского боя.

Совершенно ясно, что Лермонтов не только хорошо знал подробности Бородинского боя, но и глубоко был уверен, что артиллерии Наполеона в Бородинском бою была противопоставлена новая тактика русских артиллеристов, в том числе и Дмитрия Столыпина.

Артиллерийский генерал Бонапарт, победоносно прошедший со своей артиллерией через Европу, впервые столкнулся в Бородинском бою с сильнейшей русской артиллерией и впервые не смог победить.

Об этом и рассказал Лермонтов в своем стихотворении. В ответ на частые в 1830-х годах споры о том, кто помог русскому народу изгнать французские полчища из пределов России — тактика отступлений, пожар Москвы или морозы, — Лермонтов написал свое «Бородино», в котором просто и безискусственно, от лица рядового солдата рассказал о главных эпизодах исторической битвы, о патристическом погеме, охватившем русскую армию, и о мужестве русских артиллеристов.

«Курган, на который вошел Пьер, — читаем мы в романе Льва Толстого «Война и мир», — был то знаменитое (потом известное у русских под именем курганной батареи или батареи Раевского...) место, вокруг которого положены десятки тысяч людей и которое французы считали важнейшим пунктом позиции... Входя на этот курган, Пьер никак не думал, что это окопанное небольшими канавами место, на котором стояло и стреляло несколько пушек, было самое важное место в сражении».

Это «главное место» — редут Раевского и описал Лермонтов в своем стихотворении. Недаром Толстой сказал: «Его «Бородино» — это зерно моей «Войны и мира». Глубокое знание Бородинского сражения, точность лермонтовского описания, его верность в передаче народного характера Бородинского боя Лев Толстой прочел в «Бородине» еще в то время, когда только приступал к созданию своей грандиозной эпопеи.

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ.